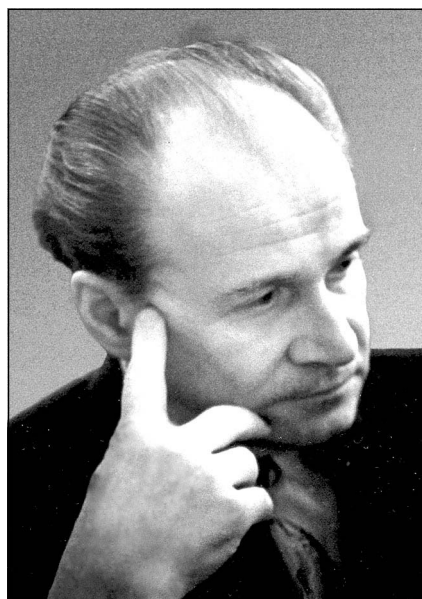

К 100-ЛЕТИЮ А.А. ТРОФИМУКА

Он умел объединять людей

Мое первое знакомство с Андреем Алексеевичем Трофимуким состоялось в Ленинграде в самом начале 50-х годов прошлого века. Я работал в Нефтяном институте (ВНИГРИ) и с увлечением занимался древнейшим осадочным чехлом Русской платформы, впервые вскрытым глубоким бурением до фундамента, а Андрея Алексеевича чрезвычайно интересовали мои литолого-палеогеографические карты по додевонскому комплексу отложений, после его феноменального успеха во «Втором Баку», принесшего ему, 33-летнему геологу-нефтянику, Золотую звезду Героя Социалистического Труда.

Академик Б.С. Соколов
Отделение наук о Земле РАН

С этими картами были связаны мои новые представления о стратиграфии нижнего палеозоя, приведшие к выводу о необходимости выделения ниже кембрия нового подразделения, отсутствовавшего в принятой стратиграфической шкале. Моя концепция венда встретила ожесточенную критику, и Андрею Алексеевичу хотелось самому понять суть проблемы. Его заинтересовала и другая моя работа, связанная с перспективами нефтеносности мезо-кайнозойских депрессий Средней Азии и пограничного Китая. Она осталась неопубликованной.

Последствия этой встречи с Андреем Алексеевичем были неожиданными. Правительство нового Китая (КНР) в 1953 г. обратилось с просьбой оказать содействие в оценке перспектив нефтеносности территории страны. Главой небольшой экспертной группы от Министерства нефтяной промышленности СССР был назначен А.А. Трофимук, который в её состав включил и меня как стратиграфа с «нефтяным профилем».

Наша работа растянулась на полгода, причём около половины времени было уделено полевым поездкам по разным провинциям и ознакомлениям с материалами региональных геологических управлений. Андрей Алексеевич превосходно ориентировался в совершенно новой для него геологической обстановке, а потенциальные перспективы региональных структур с выходами нефти раскрывал с логикой анатома. Это был не просто геолог-нефтяник, а геолог с инженерной жилкой.

Во время этой поездки в КНР пришло сообщение об избрании А.А. Трофимука членом-корреспондентом АН СССР (23 октября 1953 г.). Ему было 42 года. Через пять лет он стал академиком. На нефтепромысле в Юймыне (Сев. Китай), где мы тогда оказались, избрание Андрея Алексеевича в члены Академии наук было встречено как праздник.

Это октябрьское событие оказалось судьбоносным для Андрея Алексеевича, а неожиданным образом коснулось и меня. В 1957 г. вышло постановление правительства об организации Сибирского отделения Академии наук СССР. Инициаторами были три академика — М.А. Лаврентьев, С.А. Христианович и С.Л. Соболев, представлявшие физико-математические науки. К геологии Михаил Алексеевич особого пристрастия не имел и даже побаивался её организационного груза. Но С.А. Христианович убедил его привлечь к организации Сибирского отделения А.А. Трофимука, увлечённого перспективами нефтеносности Сибири и Дальнего Востока. Весомой была и сама идея организации комплексного Института геологии и геофизики. Это было мудрое решение. Но только позднее Лаврентьев назовет Трофимука

одним из столпов Сибирского отделения. Основателей действительно было не трое, а четверо.

В подборе руководящего ядра института Андрей Алексеевич ориентировался на уровень центральных институтов Академии наук, советуясь с их руководителями, и в результате уже в первом составе института после выборов в марте 1958 г. оказалось три академика и семь членов-корреспондентов, за которыми последовали и многие их воспитанники. Это было нечто совершенно новое в организации науки и отвечало принципиальной точке зрения М.А. Лаврентьева в формировании научных школ, включая и будущий университет, как базы направленной подготовки кадров. Опыт оказался блестящим. Институт геологии и геофизики сразу же вошел в число ведущих в стране в области наук о Земле.

Уже в 1960 г. началась издательская деятельность института. Под редакцией А.А. Трофимука стал издаваться новый ежемесячный научный журнал «Геология и геофизика», который вскоре начал переводиться на английский язык, что продолжается до сих пор, свидетельствуя о его высоком рейтинге в мировой науке. Сразу же был поставлен вопрос о создании геологического музея, который Андрей Алексеевич рассматривал как структурное подразделение института. Он занял теперь положение Центрального геологического музея Сибири и хранилища уникальных монографических коллекций, ставшего базой исследовательских работ, привлечших специалистов и из других стран. Одновременно стала формироваться библиотека института как подразделение главной библиотеки СО РАН (ГПНТБ), прямо связанной с библиотеками АН в Москве и Ленинграде.

Очень запомнился один эпизод этих героических лет. В мае 1958 г. Андрей Алексеевич в первой же беседе с нами, «первозванными» (выражение А.Л. Яншина) на Сибирской земле, вдруг сказал: «Я отлично понимаю, что я не лучший среди вас, но ваша слава будет и моей славой!» Он умел объединять людей. За долгую жизнь я ни разу ни от кого не слышал подобного обращения к своим ближайшим коллегам, которые формально оставались подчинёнными. В этом поступке было полное доверие к нам и уверенность, что каждый из нас помнит, в чем состоит его долг как руководителя.

Создавший себя сам, Андрей Алексеевич был настойчив, трудолюбив, азартен, нередко вспыльчив, но быстро отходчив. В его деятельности всегда доминировало коллективистское начало. Огромный опыт выработал у него удивительную интуицию. Но он никогда не преувеличивал своих личных знаний, доверяя знаниям подлинных профессионалов в тех областях, которые его интересовали. Работать с ним всегда было интересно и весело, особенно в полевых условиях.

В организации большого отдела палеонтологии и стратиграфии Андрей Алексеевич полностью положился на нас с В.Н. Саксом. Место, которое я отводил этим направлениям в структуре института, особенно палеонтологии, некоторым из коренных сибиряков показались преувеличенными. Но Трофимук решительно поддержал мою позицию, и в отделе сразу же возникло несколько лабораторий. Для руководства лабораторией микропалеонтологии я попросил Андрея Алексеевича пригласить профессора А.В. Фурсенко, члена-корреспондента АН Белоруссии, одного из основоположников микропалеонтологии в нашей стране. В стратиграфии отложений, вскрываемых глубоким бурением, микропалеонтологический метод был незаменимым. Полную поддержку Андрея Алексеевича получили наши предложения о проведении на базе отдела крупных всесоюзных симпозиумов и совеща-

ний и первых международных конференций по палеонтологии докембрия (1965 г.), по ископаемым кораллам (1971 г.), по палинологии (1973 г.), четвертичной геологии (1982 г.), по стратиграфии Сибири и Дальнего Востока в целом.

Не любитель заграничных поездок, Андрей Алексеевич весьма одобрял наши международные мероприятия в Академгородке, как и участие в международных исследовательских программах и организационных структурах, таких как Международный союз геологических наук (МСГН) и Международная программа геологической корреляции (МПКГ).

Вот ещё одна иллюстрация к этому. В 1972 г. мне очень важно было принять участие в очередной сессии Международного геологического конгресса в Канаде, и я обратился с этим к Андрею Алексеевичу. Его решение опять было быстрым и решающим: «Мне предоставлено делегатское место на этом конгрессе, но, судя по программе, Ваше участие в нём более важно, чем моё. Привезите мне на память что-нибудь индейское». Для меня действительно было важно выступить с докладом о венде и впервые побывать на Ньюфаундленде, где я хотел увидеть американский венд. В 1987 г. он уже вошел в состав общих стратиграфических подразделений Евразии.

После кончины Андрея Алексеевича (24 марта 1999 г.) была издана замечательная книга воспоминаний о его деятельности под названием «Главный геолог». Там есть написанная мной большая статья о нем и о нас. Сейчас к ней нечего добавить. Андрей Алексеевич не по должности, а по праву лидера академи-

ческой геологии в Сибири действительно занял положение главы научных исследователей в области наук о Земле. В его ведении как первого заместителя М.А. Лаврентьева оказались все филиалы Сибирского отделения АН, на первых порах вплоть до Дальнего Востока. Но он глубоко и заинтересованно вошел и в работы СНИИГГиМСа (Мингео), объединяя программные исследования двух институтов. У этого института возникали трудности с руководством, и однажды Андрей Алексеевич сам выразил готовность перейти туда ради поддержки нефтяной программы. Разрешилась проблема временным откомандированием туда выдающегося геофизика, члена-корреспондента АН СССР Э.Э. Фотиади. Трофимук опять проявил мудрость объединителя, а не соперника.

В годы становления Сибирского отделения АН СССР очень бурно обсуждалась проблема происхождения нефти. Андрей Алексеевич был горячим сторонником органической теории, однако допускал и абиогенный синтез. Но главное в нефтяной геологии, как и Н.А. Кудрявцев, он видел в поисках продуктивных структур и коллекторов-ловушек этого загадочного и подвижного флюида. А в региональном плане — в открытии нефтегазоносных осадочных бассейнов и стратиграфических этажей, включая рифей и венд. В Сибири ему это удалось самым блестящим образом. Он был нефтяником от Бога.

На снимках:
— А.А. Трофимук с коллегами и друзьями:
с В.С. Сурковым...;
— и Э.Э. Фотиади.
Фото В. Новикова